

Глава 29. Дворцовые распри (10)

Покушение наделало много шума. Все больше обвинений — явных и смутных намеков — летело в сторону Вдовствующей императрицы, затворившейся в глубине своих покоев. Слухи расползались с невероятной скоростью; теперь даже безучастные ко всему дворцовые служанки, подметающие дорожки, перешёптывались об этом при встрече.

Болтали, будто Император несколько ночей назад самолично явился во дворец матери. Говорили, они спорили до рассвета, а наутро владыку видели уходящим в страшном гневе. Была ли в том хоть крупица правды — бог весть.

Сходились в одном: на этот раз Вдовствующей императрице не удастся безмятежно отсидеться за чтением буддийских сутр. Быть может, совсем скоро само её присутствие в Пурпурном запретном городе станет достоянием истории.

Те немногие безропотные слуги, что ещё оставались во дворце Биюань, почуяли неладное и один за другим тихо растворились в дворцовых лабиринтах. Следом за ними прекратились и ежедневные поставки сладостей с императорской кухни — лакомый ручеек попросту иссяк.

Вернувшись с Императорской кухни с пустыми руками, Тринадцатый принц в сердцах сплюнул и выругался:

— Свора паршивых псов!

В голове Кон Цзяцзы тут же радостно отозвался Наставник-эльф 311:

"Истину глаголет! Так их!"

Кон Цзяцзы лишь мысленно вздохнул.

Дворец Биюань вновь погрузился в привычное унылое запустение. Здесь остались лишь двое — Му Юаньюн и его верный слуга Кон Цзяцзы, — да ещё та сумасшедшая женщина, наложница И, про которую никто так и не мог с уверенностью сказать, действительно ли она лишилась рассудка или умело притворялась.

Занятия в Императорской школе так и не возобновились. Тринадцатый принц, запертый в четырёх стенах Биюаня, изнывал от безделья и тоски. Как-то раз, закончив обучать Кон Цзяцзы каллиграфии, он отложил кисть и вдруг спросил:

— Из дворца Вдовствующей императрицы ничего не слышно? Она не присылала вестей?

Кон Цзяцзы лишь качнул головой.

Му Юаньюн слегка нахмурился.

— Знаешь, я всё думаю о том, что происходило со мной в прежние годы... И не покидает меня ощущение, что здесь кроется какой-то подвох.

— Подвох?

— Не могу выразить точнее, но... — он легонько постучал пальцами по полированному дереву стола. — Мой путь к вершине оказался слишком простым. Будто кто-то невидимый настойчиво подталкивал меня в спину. Подумай сам: из холодного дворца — напрямик в престолонаследники, а затем и на трон. Мои руки остались чистыми, в то время как братья один за другим то гибли, то сходили с ума... — он засомневался. Он пристально посмотрел на слугу: — Как думаешь, не сидел ли тогда в тени кукловод, который планомерно расчищал для меня дорогу к короне?

Кон Цзяцзы удивлённо поднял глаза.

Красивое лицо принца словно подернулось ледяной коркой:

— У меня есть одно крайне скверное предположение, Кон Цзяцзы.

Не успел юноша спросить, какое именно, как Му Юаньюн внезапно вздрогнул всем телом, словно от озноба.

— До чего же жуткое место этот дворец, — пробормотал он.

В сознании Кон Цзяцзы Наставник-эльф 311, бережно прижимавший к себе последние крохи уцелевших сладостей, сочувственно вздохнул:

"И не говори, жуть смертная..."

Юноша мысленно закатил глаза.

В тот день принц так и не решился озвучить свои догадки. Несколько раз он открывал рот, готовый признаться, но в последний момент осекался, а после и вовсе закрыл тему. Он стал ещё реже показываться на людях. Зато откуда-то притащил крупную болотную черепаху. Та едва очнулась от зимней спячки и, изголодавшись, мёртвой хваткой вцеплялась в любой поднесённый кусок мяса.

Развлекаясь, Му Юаньюн частенько приговаривал, глядя на рептилию:

— Эх ты, старая черепаха... Разомкни челюсти, целее будешь. Те, кто вовремя не отпускают добычу, рискуют потерять не только её, но и собственную голову. Исчезают бесследно, и поминай как звали...

Кон Цзяцзы прекрасно понимал, на что намекает хозяин. Словом «черепаха» принц за глаза частенько величал своего царственного родителя — человека, чья предвзятость и несправедливость переходили все разумные границы.

Неужели принц предвидел, что с Императором случится беда?

Кон Цзяцзы предпочёл не углубляться в эти опасные размышления, но по затылку у него пробежал неприятный холодок.

Переполох, вызванный покушением, не утихал добрых два месяца. Наконец растаял последний зимний снег, весеннее солнце обласкало проклюнувшуюся молодую листву, а перепуганные придворные дамы, успевшие за время смуты слечь с лихорадкой, начали понемногу прихорашиваться и выходить на прогулки. В кулуарах все уже заочно похоронили влияние Вдовствующей императрицы, как вдруг над Пурпурным запретным городом прогремел гром среди ясного неба.

Кон Цзяцзы аккуратно отвязал крошечное послание от лапки почтового воробья и пробежал глазами неровные строчки. Сжав бумажку в кулаке, он подошёл к Му Юаньюну, который по-прежнему увлечённо дразнил соломинкой черепаху.

— Ваше Высочество, у Седьмого принца обострился недуг.

— Обострился? — принц недоумённо вскинул брови. — Очень «своевременно». И что же это за хворь?

— Безумие, — ответил юноша. — Поговаривают, будто в него вселился злой дух, принёсший скверну. Слухов ходит уйма. Кое-кто даже шепчется, будто в одном его теле уживаются две разные души. Называют это не иначе как дьявольским наваждением.

Му Юаньюн отбросил соломинку и задумчиво потер гладкий подбородок.

— Сдаётся мне, наша царственная бабушка перешла к активным действиям. Что скажешь?

Кон Цзяцзы молча встретился с ним взглядом. Лишних слов не требовалось — они прекрасно понимали друг друга.

— Сегодня вечером постарайся выведать подробности, — вполголоса произнёс принц. — Действуй осторожно, не напролом, просто прощупай почву. Девять шансов из десяти, что это дело рук нашей многоуважаемой родственницы. В моей прошлой жизни Седьмой брат тоже

скончался при весьма загадочных обстоятельствах... Интересно, какую роль она сыграла тогда?

Этим же вечером Кон Цзяцзы вызвали в личные покои Вдовствующей императрицы. Кон Цинлянь восседала в резном кресле. Заметив вошедшего юношу, она едва заметно поманила его царственным жестом:

— Подойди ближе, дитя.

Кон Цзяцзы послушно приблизился.

— Когда ты впервые пришёл ко мне и назвался племянником, в тебе чувствовалась недюжинная смелость, ты без колебаний звал меня тётей. Отчего же сейчас робеешь и не смеешь поднять глаз? — Вдовствующая императрица мягко, но крепко приподняла его подбородок кончиками пальцев, пристально вглядываясь в лицо юноши. Она снисходительно улыбнулась: — Хотя ты и носишь платье слуги, рабского духа в тебе нет. Мал ещё, а во взгляде ни капли страха. Сразу видно — наша порода, кровь семьи Кон.

— Тётушка, — тихо выговорил Кон Цзяцзы.

— Вот так-то лучше, — она прищурилась. — Мне приятна твоя искренность.

Она неторопливо поднялась с кресла.

— Сегодня ночью разыграется превосходное представление. Ты — единственный, кто уцелел от нашего славного рода, и тебе пора поучиться уму-разуму. Пойдём со мной, наберёшься опыта. Видишь ли, иные люди кажутся грозными и неприкасаемыми, но величие их — лишь бумажная ширма. Стоит ткнуть пальцем, и она порвётся в клочья.

Кон Цинлянь негромко рассмеялась. На её плечи была накинута роскошная, расшитая золотом парчовая накидка, а в изгибе бровей и горделивом прищуре угадывалась былая ослепительная красота. Перешагнув сорокалетний рубеж, эта женщина всё ещё умела подать себя так, что затмевала любую юную красавицу.

Их миндалевидные глаза были поразительно похожи, разве что у императрицы внешние уголки век хищно стремились к вискам. В глубине её зрачков таилась бездна интриг и тайн, прикрытая обманчивым колдовским блеском. Люди легко попадались на удочку этой царственной красоты, напрочь забывая, насколько опасна её истинная сущность.

У Кон Цзяцзы же разрез глаз был мягче, круглее. В минуты спокойствия его лицо казалось безучастным и даже суровым, но стоило юноше улыбнуться, как он становился миловиднее

любой дворцовой девицы.

Императрица протянула ему руку:

— Подойди, послужи мне опорой. Сегодня мы отложим молитвы и сыграем весёлую пьесу. Для всех вокруг ты временно сменишь имя — отныне зовись Гуйюанем. Будешь моим личным евнухом. Не бойся, завтра я верну тебя Тринадцатому принцу в целости и сохранности. У меня нет привычки отбирать чужих слуг.

Кон Цзяцзы безмолвно повиновался, бережно поддерживая её под локоть.

Когда они переступили порог дворца, дежуривший у дверей евнух торопливо преградил им путь:

— Ваше Величество, Его Величество Император повелеть изволил...

— Довольно, — холодно оборвала его Кон Цинлянь. — Мне всё известно. Идём.

Она величаво прошла мимо опешившего слуги. Тот лишь растерянно посмотрел ей вслед, но, подавленный её властной аурой, не решился перечить и безропотно пристроился позади.

— Гуйюань.

— Слушаю, госпожа, — отозвался юноша.

— Сегодня я преподам тебе важный урок: никогда не проявляй великодушия к врагам.

<http://bllate.org/book/18226/1759486>